

УДК-323.1(470.53)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ У КОМИ-ПЕРМЯКОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

А. В. Михалева²

В статье выявляется соотношение этноконфессиональной и территориальной идентичности у коми-пермяков Пермского края. На основе социологических данных описывается система иерархий идентичностей коми-пермяцкого населения с учетом территориального и этноконфессионального компонентов. Делаются выводы о роли и месте локальной, этнической, конфессиональной идентичности коми-пермяков в современных условиях.

Ключевые слова: территориальная идентичность; региональная идентичность; этноконфессиональная идентичность; коми-пермяки; Пермский край.

Многомерность социального пространства, ускоряющаяся динамика социально-политических изменений неизбежно оказывают влияние на иерархию идентичностей и трансформацию ее отдельных компонентов. Соотношение разных видов идентичностей, в том числе территориальных и этноконфессиональных, остается одной из актуальных проблем современной науки. Несмотря на распространенную в отечественной науке точку зрения о том, что у региональной и этнической идентичности разные основания и их совпадение – частный случай [23], мы рассматриваем их как явления, которые чаще всего находятся в соприкосновении. На наш взгляд, это возможно в ситуациях, когда территориальная идентичность выполняет компенсаторную функцию и рассматривается исследователями как добавочная к другим социальным идентичностям [13].

Проблематика территориальной идентичности в ее региональном и локальном проявлениях с привязкой к этническому фактору приобрела особую популярность в политологических и социологических исследованиях последних лет (Л.М. Дробижева [6], Л.В. Сагитова [21], Е.В. Морозова [13], Г.С. Денисова [4], В.И. Мукомель [14]). Между тем исследований о региональ-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-13-59005 «Соотношение уровней территориальной идентичности: Пермский край на фоне России».

² Михалева Альбина Викторовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский научный центр УрО РАН. E-mail: mialba@yandex.ru.

© Михалева А. В., 2017

ной идентичности Пермского края не так много. Особый интерес здесь представляют работы М.В. Назукиной и Р.И. Петровой [15], в которых культурно-исторический аспект затрагивается в рамках изучения особенностей актуализации территориальной идентичности в городах Пермского края. Вопрос соотношения разных видов идентичностей в городской среде Перми с учетом этнических характеристик респондентов затронут в работе пермских социологов О.В. Лысенко и А.В. Шишигина [18]. Однако за рамками исследования осталась большая часть населения Пермского края, в т. ч. сельские жители, у которых этническая идентичность вдали от городских центров имеет иную специфику. Проблема соотношения и взаимодействия локальной и этнокультурной идентичности в среде местного населения до сих пор остается малоизученной. В данном случае справедливо замечание М.П. Крылова, что «...многие важнейшие особенности территориального поведения на локальном и региональном уровне не осмыслены ... и по сей день» [10, 212].

Территориальная идентичность и ее разновидности – региональная, локальная – рассматриваются нами как результат взаимодействия в заданных конкретно культурно-исторических, социально-экономических, политических условиях, иначе говоря «... как выраженный в географическом пространстве социокультурный феномен, одновременно характеризующийся как массовыми, так и элитарно-уникальными чертами [10, 20]. Поэтому обращение к местной этнокультурной специфике способствует раскрытию потенциала «саморазвития региона», объединенного общей системой ценностей. В связи с этим важной задачей является изучение этнокультурного и пространственного компонентов в системе идентичностей местных сообществ.

Для эмпирического исследования были взяты коми-пермяки Пермского края – коренное население финно-угорской языковой группы, этнокультурные традиции которого являются неотъемлемой частью культурно-символического пространства региона. Коми-пермяки – третье по численности этническое сообщество края после русских и татар. Их численность в регионе за последние десятилетия заметно сократилась и составила по данным ВПН 2010 г. 81 084 чел., т. е. 3,08 % общей численности населения края. Из них 63 010 чел. т. е. 78 % проживают в Коми-Пермяцком округе (КПО) – самом представительном территориальном образовании с титульным финно-угорским населением на территории РФ (54 %) [16; 17]. В четырех (Кудымкарском, Кочевском, Юсьвенском и Косинском районах) из шести районов КПО коми-пермяки составляют большинство. Небольшие общины коми-пермяков сосредоточены в Пермском (1 956 чел.), Краснокамском (865 чел.) и Нытвенском (713 чел.) районах. После объединения Коми-Пермяцкого автономного округа (КПАО) и Пермской области и утрате округом статуса самостоятельного субъекта РФ на основе Правительства КПАО было создано отдельное Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа (КПО) Пермского края. Созданная структура видит свои цели в «...создании условий для сохранения, развития и популяризации коми-

пермского языка, национальной (духовной) культуры и иных составляющих этнической самобытности коми-пермяцкого народа» [19].

Выборка исследования строилась с учетом территориального (КПО и г. Пермь, где проживает самая большая диаспора коми-пермяков за пределами КПО) и этнического принципов. За период с мая по начало сентября 2016 г. опрошено 246 чел. в возрасте от 20 до 72 лет. Полученные данные анализировались с помощью программы SPSS 22.0 for Windows. Результаты анкетирования дополнены данными 14 полуструктурированных интервью с коми-пермяками и 6 экспертных интервью с представителями коми-пермяцкой научной, культурной и административной элиты.

Поставленный респондентам вопрос о «Я-идентичности» отражает личностное и интегральное «Я», не только заложенные социумом нормы и ценности, но и его собственное самоопределение. В иерархии «Я – идентичности» у опрошенных на первое место с большим отрывом выходит этническая и лишь затем локальная (2 место) и региональная (3 место) идентичности. Из территориальных идентичностей наиболее значимую связь обнаруживает цепочка «село/город – Пермский край – Россия», менее актуализируемые компоненты «район» и Урал как макрорегион (уральская идентичность). Конфессиональная идентичность оказывается неостребованной и заметно уступает не только этнической, но и территориальной идентичности респондентов.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?»

Вариант ответа	Среднее значение	Позиция
Житель села/города	2,9	2
Житель района	3,9	5
Житель Пермского края	3,4	3
Житель Урала	4,4	6
Россиянин	3,8	4
Коми-пермяк/русский и др.	1	1
Православный/старообрядец/атеист	4,9	7

Полученные данные по коми-пермяцкому населению расходятся с результатами исследования пермских социологов А.В. Шишигина и О.В. Лысенко по г. Перми, что объясняется, прежде всего, несопоставимостью кейсов, взятых для анализа, а также спецификой построения выборки. При этом сами исследователи касательно опросов по г. Перми добавляют: «...даже коми-пермяки, демонстрирующие очень высокий уровень ассимиляции, почти в три раза чаще русских ставят национальную идентичность на первое место» [18, 51]. О приоритетной ориентации коми-пермяков КПАО на общероссийскую идентичность неоднократно писал сыктывкарский этнолог Ю.П. Шабаяев [26] [27]. Между тем его прогноз о резком возрастании российской идентичности коми-пермяков в период ВПН 2010 г. не оправдался [27].

Формирование персональной идентичности реализуется через идентификацию с определенными социальными группами. «Я-идентичность» не всегда характеризует групповую включенность респондента. Для понимания степени эмоциональной близости группе был поставлен вопрос о «Мы-идентичности», о чувстве общности с определенными социальными группами. Данный вопрос призван показать разную степень солидарности с конкретными сообществами, т. е. структуру значимых социальных общностей для респондентов.

Результаты анкетирования показали, что для респондентов определяющими и основными остаются семейно-родственные отношения и принадлежность семье, что обусловлено спецификой и частотой данного вида социального общения. На втором месте по частоте ответов указывают представителей своего народа. В молодежной среде эту позицию занимают друзья, а лишь затем представители своего народа. Локальная идентичность отошла на пятую позицию, т. е. уступила этнической, но оставила позади профессиональную групповую идентичность (9 место). Самые непопулярные ответы в этом вопросе – идентификация с россиянами, с определенными политическими партиями и движениями, а также с общественными/правовыми движениями.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «С кем из данных групп населения Вы испытываете чувство общности и в какой степени?»

Вариант ответа	Среднее значение	Позиция
С родственниками и семьей	1,5	1
С коллегами	5,1	7
Со сверстниками	4,1	4
С определенной группой по интересам	4,6	6
С представителями своего пола	6,1	8
С представителями своего народа	2,5	2
С единоверцами	8,2	9
С жителями моего села/города	4,6	5
С друзьями	4	3
С определенной политической партией/ движением/объединением	10,2	11
С россиянами в целом	9,6	10
С определенным гражданским/правовым движением/объединением	10,5	12
Другое	–	–

Согласно условиям выборки, все респонденты (100%) отметили, что являются коми-пермяками. Как показал вопрос об иерархии идентичностей, этнический компонент играет приоритетную роль в самоопределении респондентов. 85,7 % опрошенных поставили этническое в «Я-самоопределении» на первое место и 14,3 % – на второе. Этническая составляющая на групповом уровне вы-

ражена слабее. 57,2 % опрошенных отметили ее на 1–3 позиции в иерархии идентичностей.

Чтобы приблизиться к пониманию реальной значимости этноконфессиональных традиций в жизни респондентов, были поставлены соответствующие вопросы и предложена 10-балльная шкала оценок. 85,6 % респондентов с разной степенью одобрения указали на значимость этнической традиции в их жизни и 14,4 % отметили ее среднее значение. Для подавляющей части опрошенных коми-пермяков этническая традиция играет заметную роль в их самоопределении. Можно говорить о высоком совпадении номинальной и реальной этнической идентичности в среде опрошенных коми-пермяков. 42,6 % среди тех, кто отметил значимость этнической традиции в своей жизни, указали на представителей своего народа в качестве приоритетной группы, с которой они испытывают чувство общности. Как показывает анализ, чем выше значимость этнической традиции в жизни респондентов, тем чаще они отмечают представителей своего народа среди наиболее значимых групп.

О значимости коми-пермяцкой идентичности, правда, в молодежной среде, писали и пермские психологи, которые полагают, что «показатель чувства принадлежности к своей этнической группе выше в группе студентов коми-пермяков», чем в группе русских [20]. Однако в исследованиях конца 1990-х гг. утверждалось обратное: «...принадлежность к коми-пермяцкому этносу не воспринимается сегодня как одна из значимых ценностей» [26, 202]. Опыт интервью показал, что в доверительной атмосфере интервьюируемые уверенно декларируют свою коми-пермяцкую идентичность, однако под давлением внешних факторов при формальном общении они так же легко могут мимикрировать.

В исследовательский фокус не попали респонденты с коми-пермяцким происхождением и русской номинальной идентичностью. Однако даже среди отобранных респондентов не все так однозначно с этнической идентичностью. Часть номинальных коми-пермяков легко переключают свою этническую принадлежность в зависимости от ситуации. Один из респондентов, идентифицировавший себя в качестве коми-пермяка, во время беседы добавил: «Я – русский и вообще считаю, что «россияне» – неправильный термин». Для определенной части респондентов, в том числе с высоким уровнем образования, этническая идентичность реализуется по схеме «русского коми-пермяка». Здесь и непротиворечивость предложенного образа в умах респондентов, и следствие естественных условий исторического развития локального сообщества, а также психологические механизмы самосохранения исчезающего этноса.

Конфессиональное пространство коми-пермяцкого сообщества неоднородно. Доминирующей религиозной традицией коми-пермяков остается православие (85,7 %). Часть респондентов назвала себя старообрядцами (7,2 %) и атеистами (7,1 %). Среди опрошенных не выявлено ни одного представителя нетрадиционных для края религиозных течений, о появлении которых на территории округа упомянули в интервью эксперты. Религиозные ориентации большинства опрошенных ассоциируются с православием. При этом старооб-

рядцы соотносят себя с православной традицией, правда, иного качества: «старообрядчество – это и есть истинное православие». На вопрос о распространенности старообрядчества в Кудымкарском районе Пермского края один из информантов пояснил: «Оно почти забыто, в Коми республике больше по этому поводу ответят. Даже в Куве молодежь уже другая». Между тем старообрядчество в силу консервативности и территориальной обособленности лучше сохраняет этническую идентичность и язык определенной части коми-пермяков.

В то же время православная традиция в мировоззрении коми-пермяков тесно переплетена с языческими представлениями. Об этом еще в конце XIX в. писал в своей работе казанский этнограф И.Н. Смирнов: «Всматриваясь в картину верований и обычаев, сложившихся у пермяков на почве христианства, мы приходим к неизбежному заключению, что эта картина не вяжется с сущностью христианства» [22, 257]. О синтезе язычества и православия в сознании коми-пермяков говорят и современные лингвистические [9] [29], этнографические [14] [1] и исторические [2] исследования. Сами информанты добавляют следующее: «Мне кажется у коми-пермяков языческое и христианское пятьдесят на пятьдесят, я не знаю, мы очень верим всему и вся...»; «Такое восприятие, что раз меня окрестили, то на этом все связи, вся миссия выполнена»; «...мне очень близко так называемое «народное православие», в котором сочетаются народные представления о мире, личные размышления и элементы православия как принятый в народе образ действий и интерпретаций».

Согласно полученным данным, 50 % опрошенных придают высокую значимость конфессиональному компоненту в персональной идентификации (1–3 позиции). У оставшейся части она выражена слабее. В групповой идентичности православных конфессиональное измерение актуализируется очень слабо, что свидетельствует об определенных проблемах конфессионального сообщества. У старообрядцев конфессиональный компонент играет более значимую роль в личностной идентификации (3 позиция) и имеет такое же значение, как у православных на групповом уровне.

Намного сложнее обстоит дело со значимостью религии в жизни респондентов. Из тех, кто назвал себя православным, «важность» религиозной традиции в своей жизни подчеркнули 33,3 % опрошенных (для 16,7 % «абсолютно не важна», и для 50 % имеет среднее значение). Номинальная религиозность в данном случае оказалась скорее формальной, призванной показать преемственность конфессиональных традиций в семье опрошенных, а не их субъектную религиозность. В случае со старообрядцами таких коллизий не возникает. Все опрошенные старообрядцы подчеркивают важность религиозной традиции в своей жизни. Применительно к ним можно говорить об однозначной связи номинальной и реальной идентичности. В их традиции религиозный компонент сильнее привязан к этническому самоопределению коми-пермяков. В группе атеистов все респонденты отметили «неважность» религиозной традиции в своей жизни.

Как показали результаты опроса, локальный компонент идентичности респондентов проявился слабее этнического в иерархии «Я/Мы-идентичностей» (2 и 5 позиции соответственно). В вопросе территориальных идентичностей для православных коми-пермяков важнее локальный/региональный/общероссийский уровень. У старообрядцев наряду с «этническим» и «конфессиональным» большую роль играет «уральский» компонент самоопределения, а локальный и общероссийский уходят на последние позиции. В обоих случаях общероссийская идентичность коми-пермяков актуализируется слабо, что противоречит результатам исследования сыктывкарского этнолога Ю.П. Шабаева о приоритете гражданской идентичности в этой среде [26, 207] [27, 69].

Из тех, кто на первое место в иерархии «Я-идентичностей» ставит локальное измерение (16,7 % всех опрошенных), испытывают чувство общности с жителями своего села/города (50 %), либо игнорируют данный ответ (50 %). Преобладание локального уровня над остальными идентификационными компонентами (этнический, гендерный, возрастной, профессиональный и т. д.) – явление редкое, которое еще реже подкрепляется чувством общности с локальным сообществом. Чувство общности с локальной группой не всегда является необходимым условием для персональной локальной идентичности. Аналогичным образом значимость места проживания важна лишь для 50 % респондентов, поставивших свою локальную идентичность на 1 место. Для остальных 50% опрошенных это значение располагается в среднем диапазоне. Те респонденты, для кого связь с местом проживания не играет особой роли, отодвигают локальную идентичность на второстепенные позиции.

Вопрос о значимости места проживания вызывает у респондентов больше позитивных эмоций, чем вопрос о значимости религии в их жизни. 58,3 % респондентов отметили важность места проживания, 25 % затруднились с ответом, для 16,7 % опрошенных это «не важно» с разной степенью интенсивности.

Те, кто идентифицирует себя с категорией «житель села/города» на персональном уровне, т. е. указал на первостепенную значимость локальной идентичности, отмечают особую (50 %) или опосредованную (50 %) связь с местом проживания. Тех, для кого связь с местом проживания не является значимой переменной, отодвигают локальную идентичность в системе социальных идентичностей на 5 и 6 позиции (16,6 %). Те, кто отметил важность связи с местом проживания, закономерно демонстрируют высокие показатели локальной идентичности на персональном уровне (1–3 места) (41,6 % всех респондентов или 71,4 % в группе отметивших важность связи с местом проживания). 16,6 % всех респондентов или 28,6 % в группе, для которой значима связь с местом проживания, поставили свою локальную идентичность на 5–6 позиции. Не всегда высокая значимость места проживания означает приоритетные позиции локальной компоненты в идентификационной схеме респондентов. Тем не менее, в большинстве случаев (почти у 2/3 этой группы) данная взаимосвязь срабатывает.

Значимость связи с местом проживания коррелирует с локальной групповой идентичностью. Респонденты, указавшие на «важность» места проживания

(58,3 %), высоко ставят и чувство общности с земляками (1–3 место). Те, кому это связь не важна, (16,7 %), реже испытывают чувство общности с земляками (9 и 10 место в иерархии).

В результате корреляционного анализа полученных данных обнаруживается, что локальная идентичность слабо актуализируется у лиц с низкими доходами. В группе лиц с ежемесячными доходами до 5 тыс. рублей на одного члена семьи она чаще упоминается на 6 месте (66,7 %), с доходами 5–7 тыс. руб. – на 2 и реже на 1 месте. Для лиц с низкими доходами до 5 тыс. рублей в месяц на первые позиции выходят этническая (1 и 2 место) и российская идентичности. Для лиц с доходами 27–45 тыс. руб. из территориальных идентичностей значимыми оказываются региональная («житель Пермского края» – 2 место), уральская («житель Урала» – 1 и 5 место) и этническая идентичности (1 и 2 место). Идентичность в категориях края и макрорегиона Урала нарастает по мере роста доходов. «Районная» идентичность непопулярна среди всех групп населения, и ее значимость не коррелирует с уровнем доходов. Российская идентичность значима для лиц с невысокими доходами (до 7 тыс. руб.) и в целом занимает средние показатели. У лиц с высоким доходом данная категория уходит на последние шестую и седьмую позиции.

Для более глубокого понимания взаимосвязи «этнического» и «локального» в сознании респондентов были использованы данные интервью. Во-первых, устойчивая связь локального («деревенского») и этнического («коми-пермяцкого») обнаруживается при филологическом анализе коми-пермяцкого нарратива [24, 84]. Сами информанты подают «коми-пермяцкое» как «религиозное», «языческое», «деревенское». Во-вторых, результаты нашего исследования подтверждают тезис о наложении «коми-пермяцкого» на «деревенское», «прошлое», а «русского» на «цивилизованное», «культурное». По признанию одной из информанток эта связь особо актуализируется вне г. Перми на территории края или даже за его пределами, если затрагивается коми-пермяцкая тематика: «Когда я нахожусь в городе Перми, мне кажется, связь места настоящего проживания и этнической принадлежности для меня редко становится актуальной». Однако в определенных ситуациях и в г. Перми информанты остро ощущают свою этническую и конфессиональную уникальность при получении определенных символических кодов (речь, образ и т. д.), а также при соприкосновении с иноэтничной и иноконфессиональной традицией, например, во время празднования Ураза-байрам.

В вопросе о трудностях реализации этноконфессиональной и локальной идентичностей 41,7 % респондентов заявили, что никогда не испытывали трудности с их реализацией. 16,7 % опрошенных не задумывалось об этом. Оставшаяся часть (41,6 % респондентов) испытывает эти затруднения регулярно. Коми-пермяцкое сообщество оказалось расколотым в равной степени на тех, кто удовлетворен сложившейся ситуацией, и на тех, кто испытывает чувство дискриминации. Ответы интервьюируемых позволили выявить перечень основных проблем коми-пермяков: ограниченные возможности по изучению родного язы-

ка и культуры, недостаток общения с представителями своего народа, отсутствие активных коми-пермяцких организаций, где можно провести свой досуг.

Более детальный анализ показывает, что трудности с реализацией этноконфессиональной и локальной идентичности испытывают как правило те, для кого этническая (100 % опрошенных указали на ее важность в разной степени) и локальная идентичности имеют существенное значение (66,7 % респондентов отметили ее «важность», 16,7 % – «среднее» значение). Возникающие затруднения могут быть объяснены не только внешними факторами, но и психологической мотивацией, личным жизненным опытом респондентов.

Данный тезис находит подтверждение в высказываниях интервьюируемых, которые сетуют на ограниченные возможности в изучении коми-пермяцкого языка и культуры: «Долго я не могла понять, кто такие коми-пермяки, чем они отличаются. Если бы я не занималась этим [изучением традиционной культуры коми-пермяков – прим. авт.], то я бы ничего не знала о своей культуре». Вопрос сохранения коми-языка – одна из наиболее частых тем общественных дискурсов, в т. ч. и современного коми-пермяцкого фольклора [30].

В группе тех, кто не испытывал трудности с реализацией своей идентичности, часто можно услышать обратное: «А зачем мне учить коми-пермяцкий? Я лучше английский выучу». Вместе с тем, все респонденты этой группы указали на важность этнической традиции и места проживания.

50 % респондентов, которые испытывают трудности с реализацией своей этнокультурной идентичности, ощущает усилия власти по исправлению ситуации, 33,3 % недовольны действиями властей и 16,7 % затруднились с ответом. Недовольство политикой региональной власти в вопросе сохранения коми-пермяцкой культуры в словах эксперта достигает предельно ярких эмоций: «Очень большая опека со стороны Администрации, чрезмерно сильная. Департамент внутренней политики решает, как часто издавать учебники, какие учебники издавать, что печатать, а что не печатать, какие исследования проводить, а какие нет, они даже не советуются... Я это опекой назвала, можно было и поглубже слово подобрать, отношение не на равных». Лишь треть опрошенных связывает невозможность реализации своих этноконфессиональных прав с политикой местных властей, и в объяснительных схемах, как минимум, половины респондентов иные невластные факторы играют решающую роль.

Подавляющее большинство респондентов считают, что их этноконфессиональная традиция не нашла достойное в символике и бренде районов КПО и Пермского края в целом (75 %). 16,7 % опрошенных удовлетворены сложившейся ситуацией, а 8,3 % затруднились с ответом. Последнюю группу сформировали лица 20–21 года, которые в силу возраста, возможно, еще не определились с личной позицией по данному вопросу. Вспоминая о «Бурановских бабушках» и пестичном фестивале «Pest-Fest» (Республика Удмуртия) – брендах соседнего финно-угорского народа – информанты негодуют: «Мы только увидели как этот поезд мимо нас промчался и в Удмуртии опять остановился. “Бурановские бабушки” там, что наши бабушки так не могут? Могут лучше. И пи-

стики они себя взяли тоже, пельмени у нас русские давно, пистики пролетели. Пока мы клювами щелкаем, все и забирают».

58,3 % респондентов считают, что местная власть недостаточно делает для сохранения и развития коми-пермяцкой культуры. 25 % довольны помощью со стороны власти, а 16,7 % затруднились с ответом. Точку зрения недовольных точно передал один из экспертов: «...у главы района на первом месте дорога, мост, еще раз дорога, детский сад, школа, т. е. руководителей эта этническая составляющая абсолютно не интересует. Это [включение этнокультурных символов в брендовую политику – прим. авт.] делается под таким сильным напором, это когда вице-губернатор или сам губернатор, только под напором, тем более, если руководитель не этнический, то это вообще, тогда всё!».

Сопоставление вопросов о символической политике на местах и усилиях местной власти по поддержанию этнокультурной традиции респондентов обнаруживает корреляцию. Из числа недовольных региональной политикой большинство (80 %) приходится на тех, кто полагает, что власть делает недостаточно для сохранения и развития их культурной традиции. Таким образом, недовольство брендовой политикой напрямую связано с политикой местной власти в сфере культуры. Те, кто доволен отражением своей культурной традиции в региональном брендинге и имидже региона, чаще высказывают свою удовлетворенность действиями местной власти (66,7 %) по сохранению их этнокультурного наследия, и лишь одна треть «удовлетворенных» респондентов (33,3 %) уверена в том, что политика местных властей могла быть более продуктивной в этом направлении. Затруднившиеся ответить на вопрос о брендах не определились и с оценкой действий местной власти.

Удовлетворенность брендовой политикой варьируется в зависимости от возрастных характеристик респондентов. В группе молодых лиц 20–22 лет показатель неудовлетворенности действиями властей составляет 71–75 %. Подобные настроения достигают пика в возрастной категории 28–33 года (98 %), а затем наблюдается их нивелировка по мере увеличения возраста респондентов. Таким образом, молодая, наиболее активная и перспективная часть коми-пермяцкого сообщества недовольна политикой местных властей, которая в том числе влияет на их жизненные возможности. С возрастом при снижении актуальности вопроса о жизненных перспективах сокращается и недовольство действиями властей.

Анализируя корреляцию между удовлетворенностью политикой местной власти и уровнем образования респондентов, обнаруживается присутствие «недовольных» во всех образовательных группах, с максимальной их концентрацией в полярных кластерах – со средним образованием и ученой степенью. Недостаток образования, как и качественно иной уровень аналитического мышления работает против власти. Дополнительным фактором неудовлетворенности политикой властей остается финансовый вопрос. Если удовлетворенность брендовой политикой в регионе не коррелирует с уровнем доходов (показатели удовлетворенности одинаковые во всех группах), то оценка деятельности вла-

стей напротив напрямую зависит от материального благосостояния. Максимальную неудовлетворенность политикой местной власти демонстрируют лица с минимальными доходами (до 10 тыс. руб. в месяц).

Поддержку власти оказывают выходцы из близких социальных групп (культура и образование, госслужба). Однако в сфере культуры и образования подавляющее большинство (62,5 %) недовольны политикой власти в вопросе сохранения коми-пермяцкого народа. Оппозиционные настроения сильны не только среди работников сферы культуры и образования, а также в других сферах занятости населения: в среде работников торговли, здравоохранения, транспорта и науки.

Однако главным предметом критики интервьюируемых коми-пермяков выступают не вопросы сохранения культурного наследия, а критика социально-экономического, политического развития округа. Среди опрошенных сильны негативные оценки деятельности руководства края после объединения, что часто резюмируется итоговой формулой: «Надо, чтобы хозяин был дома, т. е. в Коми округе!». Подобные настроения часто транслируются и местным журналистским сообществом [12].

Несмотря на все неурядицы и проблемы, местное коми-пермяцкое сообщество отличает оптимистичный настрой и позитивная оценка своей роли в сложившейся ситуации. Все опрошенные уверены (100 %), что они могут повлиять на ситуацию и изменить ее к лучшему. Этот оптимизм характерен для всех возрастных, гендерных групп, профессиональных сообществ, с разным уровнем образования и доходов. Однако при попытке получить развернутые комментарии в разговоре с информантами мы наталкиваемся на определенное противоречие: абсолютно никто из них не готов пожертвовать личным временем и участием для исправления ситуации. Нарратив информантов изобилует императивными, сослагательными формами при личном абстрагировании от проблемных вопросов. Безынициативность коми-пермяков сопровождается пассивностью коми-пермяцкой элиты, которая полагает, что «плыть по течению иногда тоже полезно и даже необходимо – чтобы окончательно не погибнуть, собраться с силами» [7]. Аналогичные рассуждения можно встретить и на интернет-форумах среди пользователей-коми-пермяков (Ладэ, 20.03.2014 г.): «Мы не потопляемы, потому что следуем наипервейшему инстинкту всего живого (это уже я как профессиональный ученый-биолог говорю) – приспособляйся к окружающему миру (мимикрируй, становись незаметным, не нападай) – это лучшая придуманная природой борьба за существование и размножение для дальнейшего сохранения вида, а иногда и для того, чтобы добыча сама в ручки пришла» [орфография и пунктуация оригинала сохранена – прим. авт.] [8].

* * *

В структуре территориальных идентичностей наиболее востребованным у коми-пермяков оказывается локальный уровень. В то же время локальная идентичность не играет первостепенной роли в самоопределении коми-пермяцкого

населения региона. Эмоциональный, когнитивный и деятельностный аспекты в данном случае носят слабо выраженный характер. Вопросы территориальной идентичности, символической политики на местах заметно проигрывают накопившимся проблемам социально-экономического и этнокультурного развития. Этнический компонент идентичности в коми-пермяцкой среде оказывается важнее ее территориального измерения. При этом этническая идентичность в группе номинальных коми-пермяков играет значимую роль, но реализуется с большими оговорками, что позволяет согласиться с утверждением об «эрозии этнического» [27, 68] или «деэтнизации» коми-пермяков [5, 20], [28], [26, 200], [24, 84]. Однако многообразие выявленных стратегий реализации этнической идентичности обесценивает утверждения о скором вымирании коми-пермяков как этноса. Скорее, речь идет о специфических, сложившихся веками нормах поведения, принятых в данном сообществе. Этноконфессиональный компонент не имеет жесткой привязки к локальной идентичности в сознании респондентов, однако эта связь актуализируется в зависимости от жизненных обстоятельств. Большинство коми-пермяков Пермского края недовольны сложившейся ситуацией в сфере сохранения их культуры, однако демонстрируют парадоксальный оптимизм и повышенные ожидания от власти.

Библиографический список

1. Всероссийская перепись населения 2002 года: население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 23.08.2016). [Russian Census of 2002. Population by nationality and the Russian language competence in the subjects of the Russian Federation. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed 23.08.2016)].
2. *Голева Т.Г.* Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008. [*Goleva T.G.* Mythological characters in the worldview picture of Komi-Permyaks. Abstract of Cand. hist. sci. diss. Ekaterinburg, 2008].
3. *Головчанский Г.П.* К вопросу о завершенности процесса христианизации коми-пермяков // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2009. № 6. [*Golovchanski G.P.* On the issue of completion of the process of Christianization of the Komi-Permyaks. *Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition*. 2009. No. 6].
4. *Денисова Г.С., Клименко Л.В.* Особенности региональной идентичности населения юга России // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 25–34. [*Denisova G.S., Klimenko L.V.* Features of the regional identity of the population of the South Russia. *Sociological Studies*. 2013. No. 7. P. 25–34].
5. *Дерябин В.С.* Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития. М., 1997. [*Deryabin V.S.* Komi-Permyaks today: characteristics of

- ethno-cultural development. Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. M., 1997].
6. *Дробизжева Л.М., Рыжова С.В.* Гражданская и этническая идентичность россиян: совместимость или противостояние // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М., 2015. С. 176–197. [*Drobizheva L.M., Ryzhova S.V.* Civic and ethnic identity of Russians: the compatibility or confrontation. Russian society and the challenges of the time. Book II. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. M., VES Mir Publ., 2015. P. 176–197].
  7. *Истомин Ф.* Золото Пустой страны // Звезда. 15 декабря 2006 г. URL: <http://zvezda.perm.ru/local/zvezda/page.php/zvezda/2006-12-15/2> (дата обращения: 09.07.2016). [*Istomin F.* Gold of the Empty country. Zvezda. December 15, 2006. Available at: <http://zvezda.perm.ru/local/zvezda/page.php/zvezda/2006-12-15/2> (accessed 09.07.2016)].
  8. Комментарии к статье М.Ярдаевой «Привет из страны Абу. О феномене коми-пермяков». URL: <http://turfront.ru/pub-164> (дата обращения: 21.07.2016). [Comments on the article by M. Yardaeva “Greetings from Abu country. On the Phenomenon of Komi-Permyaks”. Available at: <http://turfront.ru/pub-164> (accessed 21.07.2016)].
  9. *Королёва С.Ю.* «Знающий» в современной коми-пермяцкой деревне. К вопросу о механизмах передачи и сохранения локальных форм традиционной культуры (на материале экспедиционных исследований). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/koroleva1.htm> (дата обращения: 12.07.2016). [*Koroleva S.Yu.* The “The one who knows” in the modern Komi-Permyak village. On the issue of mechanisms of transmission and conservation of local forms of traditional culture (on material of expedition studies). Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/koroleva1.htm> (accessed 12.07.2016)].
  10. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010. [*Krylov M.P.* Regional identity in European Russia. Moscow, 2010].
  11. *Лаллукка С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. СПб., 2010. [*Lallukka S.* Komi-Permyaks and the Komi-Permyak district. St. Petersburg, 2010].
  12. Мнение «коми-пермяка»: «Процесс объединения округа и Пермской области – это спланированное шоу кремлевских кукловодов» URL: <http://properm.ru/news/region/114892/> (дата обращения: 23.07.2016). [The Opinion of a “Komi-Permyak”: “The process of integrating the District with the Perm region – a planned show of Kremlin puppeteers”. Available at: <http://properm.ru/news/region/114892/> (accessed 23.07.2016)].
  13. *Морозова Е.В., Улько Е.В.* Локальная идентичность: формы актуализации и типы// <http://www.politex.info/content/view/509/30/> (дата обращения: 11.05.2016). [*Morozova E.V., Ulko E.V.* Local identity: actualization form and types. Available at: <http://www.politex.info/content/view/509/30/> (accessed 11.05.2016)].

14. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68. [Mukomel V.I., Haykin S.R. Crimean Tatars after the «Crimean Spring»: the transformation of identities. The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. No. 3. P. 51–68].
15. Назукина М.В., Петрова Р.И. Локальный уровень в матрице территориальной идентичности жителей Пермского края // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. № 4. С. 127–142. [Nazukina M.V., Petrova R.I. The local level in the matrix of territorial identity of the Perm region's residents. Review of Political Science. 2015. No. 4. P. 127–142.].
16. Национальный состав населения. Коми-пермяцкий округ на 14.10.2010 г. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst57/DBInet.cgi> (дата обращения: 13.07.2016). [National composition of the population. The Komi-Permyak district as of 14.10.2010. Available at: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst57/DBInet.cgi> (accessed 13.07.2016)].
17. Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 г. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 23.08.2016). [Official site of the Russian Census 2010. Information materials on the final results of the Russian Census 2010. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (accessed 23.08.2016)].
18. Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой. Пермь, 2013. [Perm as a style. Presentations of the Perm urban identity. Ed. by O.V. Lysenko, E.G. Tregubova. Perm, PNRPU Press, 2013].
19. Положение о министерстве по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края от 14.02.2014 № 82-п. URL: <http://www.minkpo.permkrai.ru/about/thesis/> (дата обращения: 22.07.2016). [Decree on the Ministry of Affairs of the Komi-Permyak District of the Perm region of 14.02.2014 No. 82-p. Available at: <http://www.minkpo.permkrai.ru/about/thesis/> (accessed 22.07.2016)].
20. Попова Т.А. Особенности этнической идентификации и самоотношения у русских и коми пермяков // Ананьевские чтения – 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии: материалы науч. конф., 19–21 окт. 2010 г. / отв. ред. Л.А. Цветкова. СПб., 2010. Ч. 2. С. 148–150. [Popova T.A. Features of ethnic identity and the self-conception of Russians and Komi-Permyaks. Ananyevskie chteniya 2010. Modern application areas and the problems of psychology. Proc. of Sci. and Pract. Conf., Oct. 19-21. 2010. Ed. by L.A. Tsvetkov. Saint Petersburg University Press, 2010. Part 2. P. 148–150].
21. Сагитова Л.В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан). URL: <http://tataroved.ru/institut/etnolog/publ/1/> (дата обращения: 07.07.2016).

- [*Sagitova L.V.* Regional identity: social determinants and constructivist media activities (a case study of the Republic of Tatarstan. Available at: <http://tataroved.ru/institut/etnolog/publ/1/> (accessed 07.07.2016)].
22. *Смирнов И.Н.* Пермьки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1891. [*Smirnov I.N.* Permyaks. Historical and Ethnographic Essay. Kazan, Printing House of the Imperial University, 1891].
  23. *Смирнягин Л.В.* О региональной идентичности//Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ: в 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля; Росс. ассоциация междунар. исследований. М., 2007. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И.М. Бусыгиной. С. 81–107. [*Smirnyagin L.V.* On regional identity. Space and time in the world politics and international relations. Ed. by A.Y. Melville. Russ. Association of Intern. Studies. M., 2007. Vol. 2. P. 81–107].
  24. *Худякова Е.С.* Этничность коми-пермяков как система оппозиций// Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып.4 (28). С. 80–85. [*Khudyakova E.S.* The Komi-Permyaks' ethnicity as a system of oppositions. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology.* 2014. Issue 4(28). P. 80–85].
  25. *Чагин Г.Н.* Коми-пермяки. URL: <http://komiperm.ru/library/КОМИ-PЕРМЬАКИ> (дата обращения: 17.07.2016). [*Chagin G.N.* Komi-Permyaks. Available at: <http://komiperm.ru/library/КОМИ-PЕРМЬАКИ> (accessed 17.07.2016)].
  26. *Шабает Ю.П.* Этническое самосознание народов Коми: основа интеграции или база дезинтеграции? // Рубеж (альманах социальных исследований). 1998. № 12. С. 193–208. [*Shabaev Yu.P.* Ethnic consciousness of the Komi peoples: the foundation of integration or the base of disintegration? *Rubezh (Almanac of Social Research).* 1998. No. 12. P. 193–208].
  27. *Шабает Ю.П.* Этносоциальные последствия объединения регионов (Из опыта формирования Пермского края) // Социс. 2006. № 3. С. 64–71. [*Shabaev Yu.P.* Ethnosocial consequences of the merger of regions (from the experience of the formation of the Perm region). *Socis.* 2006. No. 3. P. 64–71].
  28. *Шабает Ю.П.* Коми-пермяки: проблемы выживания// Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 26–35. [*Shabayev Yu.P.* Komi-Permyaks: problems of survival. *Etnograficheskoe Obozrenie.* 1994. No. 4. P. 26–35].
  29. *Шляхова С.С., Лобанова А.С.* Элементы религиозного стиля в современном коми-пермяцком языке. URL: <http://pandia.ru/text/77/288/4770.php> (дата обращения: 11.07.2016). [*Shlyakhova S.S., Lobanova A.S.* Elements of the religious style in the modern Komi-Permyak language. Available at: <http://pandia.ru/text/77/288/4770.php> (accessed 11.07.2016)].
  30. Шынь-серём югөршанасынь / Шутки от югөрцев. URL: http://jugor.umi.ru/shyn_ser_m_yug_rshanasyan/ (дата обращения: 22.04.2016). [*Jokes from the Yugor people.* Available at: http://jugor.umi.ru/shyn_ser_m_yug_rshanasyan/ (accessed 22.04.2016). (In Komi-Permyak lang.)].

**ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP
BETWEEN ETHNO-RELIGIOUS AND TERRITORIAL
IDENTITIES OF THE KOMI-PERMYAKS IN PERM KRAI**

A. V. Mikhaleva

Candidate of Political Sciences, Senior Researcher,
Department of Political Institutions and Processes Research,
Perm Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Ural Branch)

The article reveals the relation between ethno-religious and territorial identities of the Komi-Permyaks of Perm Krai. Based on sociological data, the author describes the hierarchical identity model of the Komi-Permyaks taking into account territorial and ethno-religious components. Conclusions are drawn about the role and place of the local, ethnic, and religious identity of the Komi-Permyaks in modern conditions.

Keywords: territorial identity; regional identity; ethno-religious identity; Komi-Permyaks; Perm Krai.